

Формирование национальной идентичности в современной Словакии

М.В. Ведерников

Институт Европы РАН

«Бархатный развод», произошедший между Чехией и Словакией в 1993 г., привёл к появлению двух независимых государств. В отличие от Чехии, которая до момента образования Чехословакии в 1918 г. имела историю независимого существования и воспринимала возникшее после Первой мировой войны государство как продолжение своей государственности, в Словакии были распространены иные взгляды. Прежде всего, они базировались на идеях об отсутствии преемственности в историческом развитии между Чехословакией и современным словацким государством и вынужденном сосуществовании чехов и словаков в рамках единого государства, притеснении их прав на протяжении более чем 70 лет. Для обоснования подобных идей в обстановке усиливающихся националистических настроений, которые эксплуатировались руководившими страной политическими силами, происходило активное использование политики памяти и соответствующего ей инструментария. Это вело к восстановлению образов не только персоналий, которые активно боролись за национальные права словаков, представляли народ на международной арене, но и тех, кто, реализуя права народа на самоопределение, сотрудничали с преступными политическими режимами и прибегали к нарушению базовых прав и свобод человека. Как отмечено в исследовании, обращение к этим страницам истории было свойственно для властей, прежде всего, на начальном этапе самостоятельного развития государства. В дальнейшем по мере реализации плана по интеграции в западноевропейское общество произошёл отход от националистического дискурса, хотя полного отказа от него в Словакии не произошло. Стоит отметить возникновение дискуссионных моментов особенно в ходе т.н. мемориального бума (2015–2020) и сопутствующих событий. Для понимания особенностей исторической политики Словакии необходимо сравнение с опытом Чехии. Ключевые отличия заключаются в выбранной национальными элитами основе новой идеологии. Для Чехии таковой стал антикоммунизм, в Словакии же не произошло полного отрицания коммунистического прошлого. Во многом это сказалось на восприятии СССР и его правопреемницы России, которое оказывает существенное влияние на состояние текущих словацко-российских и чешско-российских отношений.

Ключевые слова: Словакия, Чехословакия, историческая политика, историческая память, идентичность, политика памяти, М.Р. Штефаник

УДК: 321.02

Поступила в редакцию: 15.09.2020 г.

Принята к публикации: 24.12.2020 г.

Историческая память и связанное с ней напрямую историческое сознание являются важными факторами, оказывающими влияние на формирование идентичности человека, прежде всего национальной. Как отмечает И.С. Семененко, национальная идентичность «опирается на чувства принадлежности к нации как значимому для самоидентификации сообществу и личной сопричастности его развитию»¹. Л.П. Репина замечает, что в прошлом народа или нации «прежде всего раскрывается смысл исторического существования, воплощается система ценностей» (Репина 2016: 12). Впрочем, благополучное становление национальной идентичности возможно при опоре «на положительное восприятие исторического опыта», в случае формирования негативного образа конкретных исторических событий/явлений/героев – «происходит размытие национального самосознания и кризис идентичности сообщества»².

«Воспоминания о минувшем» способствуют коллективной идентификации, сравнимой по размаху с религиозной идентификацией. Впрочем, важно отметить, что память о прошлом не обладает статичным характером и, наоборот, подвергается постоянным изменениям. Таким образом, можно говорить о ней как о динамичной системе, которая меняется во времени и зависит от контекста, в котором развивается общество. Словацкий социолог О. Дьярфашова выделяет три категории факторов, которые влияют на изменение интерпретации прошлого: 1) перемены в структуре общества ввиду смены поколений; 2) изменение политических режимов, представители которых имеют своё собственное, противоположное по сравнению с предшественниками, представление об истории; 3) международные обстоятельства, которые оказывают влияние на коллективную память (Gyárfašová 2015: 25). Чем больше несоответствие между прошлым и системой ценностей настоящего, тем активнее принимаемые меры и сильнее давление на общество.

Образы прошлого, которые широко тиражируются в общественном пространстве социума, могут быть либо результатом контролируемой «политики памяти», сформированной сверху, либо могут быть созданы «снизу» как память поколений. Как показывают наблюдения, память поколений не представляет собой надёжного инструмента передачи воспоминаний (Майорова 2010). Она сильно подвержена трансформациям, которые возникают в ходе заметных социально-политических сдвигов или попросту с течением времени. Некоторые события могут забываться в рамках устной традиции передачи образов прошлого из поколения в поколение. В первом же случае, который более эффективен (Малинова 2018: 29–30; Поцелуев 1999) и широко используется, власти стараются закрепить «память» в политических институтах путём увековечива-

¹ *Идентичность. Личность. Общество. Политика.* 2017. Энциклопедическое издание. Под ред. И.С. Семененко. Москва: ИМЭМО РАН. 992 с. С. 405.

² Там же. С. 410.

ния национальных символов, традиций и героев. Говоря о «политике памяти», следует определить «границы этого концепта». Так, П. Веровшек выделяет широкий и узкий подходы к его пониманию. Если в рамках первого – «феномен включает в себя любое высказывание о прошлом и все сферы общественной жизни», то во втором случае речь идёт об институциональном подходе, где внимание сконцентрировано на деятельности политических элит (Verovšek 2016). Конкретизируя понятие, «политику памяти» можно обозначить как «усилия политических элит, их сторонников и противников по конструированию значения прошлого и его широкому распространению или навязыванию прочим членам общества» (Lebow, Kansteiner, Fogu 2006: 7).

При реализации «политики памяти» используются инструменты, направленные на создание коллективной памяти путём выделения конкретных исторических событий и личностей и, с другой стороны, забвения иных, которые не укладываются в концепции, продвигаемые текущей властью. Одним из характерных механизмов в этом направлении является формирование пантеона национальных героев, которые представляют золотой век истории. Как отмечает Д. Ковач, «в определённый момент национальной агитации они перестают быть историческими персоналиями и начинают выполнять функцию национальных символов» (Kováč 2009: 340). Подобное обращение с историей, где одних целенаправленно забывают, а на передний план выносят других, несомненно, достойных, но призванных оказывать определённое идеологическое воздействие, ведёт к «коллективной амнезии» событий и процессов, которые рассматриваются текущими властями как второстепенные и способные оказывать влияние на государственную идеологию.

Курс власти на использование истории в своих прагматичных целях не может не вызвать общественное обсуждение, которое ведёт к появлению политических и идеологических разделительных линий. Таким образом, попытки представить объективную картину исторического развития государства приводят к «борьбе за историю», где преимущество находится на стороне тех, кто в данный момент обладает большим административным ресурсом. Впрочем, А. Миллер отмечает, что «политика памяти» может быть пространством диалога и различных трактовок и быть «более или менее продуктивной в деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов» (Миллер 2009).

Особое место «политика памяти» занимает в странах, которые пережили в конце 1980-х гг. переход от социалистической модели управления государством к капиталистической, что сопровождалось также трансформацией идеологической составляющей обществ. Постсоциалистические государства были наиболее активны в Европе в разработке подходов «политики памяти» и расширении её применения. Стоит привести классификацию методов, о которых говорит А. Миллер: 1) создание специальных институтов для насаждения определённой трактовки прошлого и финансирование идеологизированных исследователь-

ских проектов; 2) манипуляция архивами, сохранение режима секретности; 3) разработка мер контроля за деятельностью историков; 4) вмешательство в содержание учебников и программ преподавания истории; 5) принятие мемориальных законов, закрепляющих единственную трактовку прошлого (Миллер 2009: 10).

Говоря о Словакии, стоит отметить, что власти страны на протяжении последних 30 лет не использовали полностью весь набор методов. Они ограничивали свой инструментарий конкретными мерами, которые служили подспорьем для реализации национальной и исторической политик. Поначалу они касались необходимости разрешения существующего конфликта между чехами и словаками в обстановке наметившегося с начала 1990-х гг. курса на дезинтеграцию единого чехословацкого государства. Затем они сводились к обоснованию существования самостоятельного государства.

Пример Словакии интересен тем, что он показывает вариант ненасильственного становления государственности, в ходе которого удалось избежать националистических выпадов, произошедших в других государствах на фоне возрождения и последующего повышения значения национальной идентичности. В этой связи словацкий случай противоречит утверждению Г.-Р. Уикера, что «этнизация и возрождение национальных идентичностей ведёт к ослаблению государства, уменьшению социальных прав и проблемам в экономике» (Wicker 1997: 31).

Неизбежность «бархатного развода»?

После «бархатной революции» 1989 г. новые власти Чехословакии оказались в ситуации, когда перед ними встала необходимость формирования новой идеологии государства, поскольку отказ от предшествующего идейного курса был озвучен как один из главных постулатов революции. В обстановке предшествующего 40-летнего пребывания в рамках социалистической системы, где была разработана глубокая идейно-политическая система ценностных координат, базирующаяся на постулатах марксистско-ленинской философии, страна была вынуждена искать пути обоснования нового пути развития. Исторические реминисценции стали одним из ориентиров, которые способствовали новому правительству держаться на плаву и выстраивать движение в соответствии с заранее озвученным планом, который сводился к «вовлечению Чехословакии в процесс европейской интеграции и реализации идеи европейского дома» (Suk 1997: 295). В случае Чехословакии эта задача упрощалась благодаря тому, что страна имела уходящую далеко в прошлое традицию государственности. Каждый период истории, будь то Средние века (правление Карла IV), или Новейшее время (современная Чехословакия), демонстрировал существование жизнеспособного и конкурентного государства. Впрочем, деятели «бархатной революции» из всего имеющегося многообразия в качестве образца взяли за

основу пример «чехословацкой государственности межвоенного времени». С одной стороны, это был наиболее близкий по времени период чешской и словацкой истории, некоторые свидетели которого на тот момент были ещё живы. С другой – в это время воплотились в жизнь принципы, которые в начале «революции» были озвучены в качестве программных целей Гражданского форума³: создание правового государства, реализация гражданских прав и свобод, функционирование демократических механизмов, наличие гражданского общества.

Впрочем, можно говорить о сформировавшемся и закрепившемся уже тогда, в начале 1990-х гг., идеалистическом представлении о межвоенной Чехословакии (1918–1938 гг.) как о стабильном, процветающем государстве, лишённом внутренних противоречий (Динуш 2019: 122; Шимов 2015). Однако, если обратиться к его истории, то становится очевидным, что оно было во многом противоположностью тому образу, который пытались представить молодые демократы, стремящиеся поскорей избавиться от «тоталитаризма». Здесь были и проявления авторитаризма, и нестабильность политической системы, и, что более важно, отсутствие взаимопонимания между двумя государствообразующими народами – чехами и словаками.

В ходе «бархатной революции» в обеих частях государства – чешской и словацкой – в политике, науке и культуре формировались собственные национальные элиты, которые в атмосфере общественного возбуждения переходного периода начали активно поднимать разговоры о словацко-чешских отношениях. В основном они велись с позиции ущемлённого положения словацкого народа и необходимости его уравнивания (Hlavová, Žatkulial 2002: 23; Krno, Lysý, Krno 2009: 305). В такой ситуации на помощь словацким политикам приходила история, которая давала им почву для расширения требований и их оправдания. Например, неучтённые притязания словаков о наделении их автономией накануне образования самостоятельной Чехословакии в 1918 г. предоставляли словацким общественным деятелям возможность говорить о диктате Праги, губительном последствии идеологии чехословакизма и попытках ассимиляции словаков. Представители двух народов имели зачастую противоположную оценку межвоенного периода, марионеточного государства Й. Тисы и событий Пражской весны 1968 г. Историк А. Рейх отмечает, что «те фазы чехословацкой истории, которые вызывали восторг у чехов, наталкивались на критику и неприятие словаков, и наоборот» (Рейх 2010: 302).

³ Гражданский форум (ГФ) – политическое движение, которое было создано через два дня после начала «бархатной революции» в Чехословакии и стало центром политической жизни страны. Представители ГФ, возглавив революционный процесс, выступили против коммунистического режима и предложили программу демократических реформ. Вацлав Гавел стал первым неформальным лидером ГФ.

Особенности «политики памяти» в Словакии

Несмотря на то, что разделение Чехословакии на два независимых государства зачастую рассматривается как «естественный результат более 100-летнего стремления словаков обрести национально-государственный суверенитет» (Махачек 2005: 134), социологи констатировали, что среди широких слоев населения отсутствовала крепкая увязка со словацкой идентичностью, существовало сильное разобщение как по региональному (Восток – Запад), так и по социально-экономическому (город – деревня, уровень достатка, образования) признакам (Krekovičová 2002: 164). Политикам, вставшим у руля нового государства, необходимо было использовать доступный инструментарий для укрепления национально-идеологического фундамента государства. В условиях недостатка у Словакии богатого на исторические события, громкие имена и устоявшиеся политические традиции прошлого, конструкторы словацкой государственности использовали, с одной стороны, наиболее актуальные события (отказ от коммунизма и обретение самостоятельности), с другой – те страницы истории, которые в предшествующее время были недоступны ввиду идеологических барьеров (Е. Крековичова называет коммунизм «заморозкой коллективной памяти»: Krekovičová 2002: 151). Можно согласиться с утверждением Р. Пинсента, который говорит о том, что словаки нуждались в том, чтобы «их придумали как нацию». Для этого был использован метод «активного атавизма», подразумевающий «поиск предков путём извлечения истории из настоящего, а не обретение настоящего в истории» (Pynsent 1994: 60).

Процесс нациестроительства был сложен и не был продуман на должном уровне: отсутствовала чёткая стратегия, с помощью которой можно было бы осуществлять шаги по укреплению национальной идентичности. Наглядный пример идеологического «микса» и исторических наслоений можно обнаружить при обращении к государственным праздникам и официальным символам Словакии, установленным после 1993 г. Так, бело-сине-красный флаг, возникший в ходе революционной «весны народов» 1848 г. как противопоставление венгерскому стягу, делал отсылку к идее славянской взаимности; в то же время герб был напрямую связан с символикой венгерского государства – частично он изображён на современном гербе Венгрии. В свою очередь национальным гимном («Над Татрами молнии сверкают») стала расширенная версия словацкой части чехословацкого гимна, который исполнялся на двух языках (надо отметить, что в годы военного словацкого государства (1939–1945 гг.) использовалась песня «Гей, словаки»).

Переплетение традиций различных исторических эпох и идеологий наглядно продемонстрировано и в установившихся после 1993 г. государственных праздниках и памятных датах. Они отражают произошедшие политические изменения и направлены на укрепление национальной идентичности словаков. Впрочем, при их комплексном рассмотрении заметно противоречие заложен-

ных в них смыслов. Так, их можно разделить на несколько категорий. К наиболее крупной группе празднеств относятся религиозные торжества, которые в коммунистические годы были под запретом. Тем самым подтверждался христианский характер словаков (в 2001 г. 82,7% населения страны назвали себя приверженцами римско-католической церкви) (Krekovičová 2002: 152) как противопоставление бывшему атеистическому государству чехов и словаков. Другая группа праздников направлена на закрепление прозападных демократических позиций Словакии, вставшей на путь «возвращения в Европу» и отказа от социалистического прошлого. К ним можно отнести День борьбы за права человека (25 марта), День памяти несправедливо осуждённых (13 апреля), День освобождения от фашизма (8 мая), День борьбы за свободу и демократию (17 ноября).

В череде антикоммунистических дат, которые должны были обозначить идейное наполнение новой власти, особняком стоит День словацкого национального восстания (*Slovenské národné povstanie, SNP*) (29 августа), который остался единственной памятной датой, сохранившейся со времен Чехословакии. Хотя толкование события изменилось – просоветское и коммунистическое содержание было заменено на демократическое и антифашистское – наличие такого праздника вызывало широкую дискуссию. Противоречивость этого события была также связана с двойственным отношением к политическому режиму, который существовал в Словакии в годы Второй мировой войны и против которого было направлено сопротивление. Будучи недемократичным и квазифашистским, это государственное образование в то же время символизировало возникновение независимой, свободной от диктата Праги Словакии. Официальное торжество, будучи нацеленным на широкие слои населения, должно было символизировать наличие консенсуса в отношении событий, которым оно было посвящено. Впрочем, на волне словацкого националистического подъёма в начале 1990-х гг. словацкое национальное восстание (СНВ) содержало много разделительных линий.

Дискуссии вокруг СНВ разделились на два противоположных в ценностном восприятии подхода – «за» и «против». Упрощённо можно говорить о том, что участники восстания и их симпатизанты выступали за его прославление как акт героизма. В свою очередь их оппоненты рассматривали это событие как вооружённое подстрекательство и «заговор против народа», который привёл к бессмысленному кровопролитию и «государственной измене» (Michela, Kšinan 2012: 37–38). Это вело к расширению политических и общественных столкновений, поскольку требовалось примириться с прошлым и найти варианты совместного проживания граждан, смотрящих по-разному на события Второй мировой войны.

Событие, доставшееся в наследство от социалистической Чехословакии, неизменно поднимало вопросы об остатках советского наследия в Словакии. После «бархатной революции» новые власти были бескомпромиссны в отношении

своих предшественников и идеологии, которой они придерживались. Во многом импульс такому поведению был задан их чешскими коллегами. В апреле 1990 г., ещё в едином государстве чехов и словаков, был принят закон о судебной реабилитации осуждённых по приговорам, которые противоречили «принципам демократического общества»⁴. Далее, в ноябре 1990 г., последовали постановления о возвращении в пользу государства движимой и недвижимой собственности Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ)⁵; в 1991 г. – закон о разрешении имущественных правонарушений в отношении лиц венгерской и немецкой национальностей и представителей религиозных организаций⁶. Вершиной антикоммунистического движения на официальном уровне стал «Закон о времени несвободы», где говорилось о том, что «коммунистический режим с 1948 по 1989 гг. нарушал права человека и государственные законы»⁷. В 1996 г. последовала расширенная версия этого юридического акта, в котором были озвучены главные преступления коммунизма⁸. Впрочем, в документе в отличие от аналогичных законов, принимавшихся во многих постсоциалистических государствах, не была осуждена деятельность КПЧ и её деятелей. Можно предположить, что это было связано с традицией чествования героев СНВ, многие участники которого были членами партии и не могли соответственно быть «преступниками». В свою очередь это позволило сохранить на территории страны значительное количество улиц, памятников и других мемориальных мест, посвящённых деятелям, непосредственно связанным с КПЧ. Можно говорить о консервации в Словакии коммунистического наследия и его смешении с новыми тенденциями, которые пришли в страну после «бархатной революции».

Отметим символический парадокс, произошедший в Братиславе: местные власти приняли решение переименовать парк, на территории которого был размещён памятник участнику СНВ, коммунисту Каролу Шмидке, в честь Андрея Глинки, идейного вдохновителя словацкого военного государства (Miháliková 2006). Таким образом, в одном месте объединялись две совершенно противоположные исторические традиции.

Впрочем, после 1996 г. к наиболее существенным шагам словацких властей по преследованию остатков коммунизма можно отнести принятие в 2002 г. закона об Институте памяти нации, согласно которому учреждалась одноименная

⁴ Zákon č.119/1990 Z.z. o súdnej rehabilitácii. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/119-1990.pdf> (accessed 13.02.2021).

⁵ Ústavný zákon zo dňa 16. novembra 1990 o navrátení majetku Komunistickej strany Česko-Slovenska ľudu Českej a Slovenskej Federatívnej republiky. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/496-1990.pdf> (accessed 13.02.2021).

⁶ Zákon č. 282/1993 Z.z. o zmiernení niektorých majetkových krívď spôsobených cirkvám a náboženským spoločnostiam. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/282-1993.pdf> (accessed 13.02.2021).

⁷ Zákon 480/1991 Zb. o dobe neslobody. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/480-1991.pdf> (accessed 13.02.2021).

⁸ Zákon 125/1996 Z.z. o nemorálnosti a protiprávnosti komunistického systému. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/125-1996.pdf> (accessed 13.02.2021).

организация. Она сочетала в себе научно-исследовательскую и общественно-просветительскую функции, должна была «сделать доступной информацию о тайной деятельности репрессивных органов Третьего рейха и СССР в “период несвободы” (1939–1989 гг.) и найти виновных за порабощение родины»⁹. Несмотря на активную деятельность Института, который выпускает в свет значительное количество научной и научно-популярной литературы, важно отметить, что после 2006 г., когда к власти пришла партия «Смер – Социальная демократия», негативная риторика в отношении коммунистического этапа развития Словакии заметно ослабла. Можно говорить о смене курса правительства, продолжавшегося у власти до 2020 г., в связи с тем, что оно имело левую политическую ориентацию (Марушьяк 2018: 76) и декларировало проведение политики, нацеленной на восстановление социальной справедливости. Также словацкие власти, взяв на вооружение национал-популизм¹⁰ и евроскептицизм, выбрали в качестве объекта для критики Евросоюз, поэтому острая необходимость в осуждении коммунистического режима отпала. В этой связи неудивительно, что с 2007 г. парламент страны не принял ни одного закона, осуждающего коммунизм и его приверженцев.

Обращение к историческим персоналиям для обоснования политических требований

На финальном этапе развития чехословацкого государства в истории был найден источник легитимизации национальных требований. Словаки в обстановке нарастающих националистических настроений в обществе и, прежде всего, в среде новой элиты старались найти в прошлом героев, вокруг которых мог быть сформирован национальный пантеон.

В качестве практической меры, которая была направлена на конструирование словацкой идентичности можно обозначить активную популяризацию деятеля национально-освободительного движения М.Р. Штефаника. Так, согласно принятому 23 апреля 1990 г. закону, признавался его чрезвычайный вклад в «создание государства чехов и словаков»¹¹. В его честь была учреждена государственная награда, был переименован аэропорт Братиславы, Академия вооружённых сил Словакии, его имя присвоили сотням улиц, проспектов и площадей по всей Словакии. На крупнейшей по номиналу банкноте (5 тыс. крон) был изо-

⁹ Zákon 553 o sprístupnení dokumentov o činnosti bezpečnostných zložiek štátu 1939 – 1989 a o založení Ústavu pamäti národa a o doplnení niektorých zákonov (zákon o pamäti národa). *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/zakony/553-2002.pdf> (accessed 13.02.2021).

¹⁰ Саморуков М. 2020. Обманутые надежды. Что сменит национал-популизм в Восточной Европе. *Московский центр Карнеги*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81200> (дата обращения 13.02.2021)

¹¹ Zákon č. 117/1990 Zb. o zásluhách M. R. Štefánika. *Zbierka zákonov SR*. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/1990-117> (accessed 13.02.2021).

бражен его профиль. Через 10 лет, в 2000 г., был принят очередной *lex Štefánik*, в котором подтверждались его особые заслуги в процессе образования «чешско-словацкого государства»¹².

Обращение к этой исторической персоналии при наличии спорных моментов в её биографии¹³ преследовало несколько задач. Во-первых, показать вовлечённость словацкого народа в создание самостоятельного чехословацкого государства; во-вторых, продемонстрировать наличие у словаков политического деятеля, который мог бы состязаться на равных с «отцом» чехословацкой нации – Т.Г. Масариком. В-третьих, вхождение М.Р. Штефаника в высшие политические круги Франции накануне и в годы Первой мировой войны демонстрировало признание представителями великих держав статуса словацкого народа; в-четвёртых, хождение слухов о спланированной авиакатастрофе, в которой погиб М.Р. Штефаник в 1919 г., давало почву приверженцам теорий заговора для обвинения чехов, которые якобы не были заинтересованы в наличии такой сильной фигуры среди словаков.

Если личность М.Р. Штефаника была неразрывно связана с демократической межвоенной Чехословакией с присущей ей системой ценностей, то на другой стороне исторических коммеморативных практик находилась фигура идеолога словацкого национального возрождения Л. Штура (1815–1856 гг.). Повышенное внимание к его персоне приходится уже на момент, последовавший за возникновением независимого словацкого государства (Macho, Kodajová 2015). Фигура составителя языкового стандарта современного словацкого языка и борца за национальные права в парламенте Королевства Венгрия использовалась для придания веса дискуссиям об отличии словаков от чехов, обоснованию укоренённости словацкой идентичности в сознании рядовых словаков; постоянной борьбе словацкого элемента против притеснений со стороны иных народов, например, венгров. В то же время его политические воззрения, связанные с идеей всеславянского единения под главенством России, частично соответствовали курсу, выбранному находящейся у власти партией «Народная партия – Движение за демократическую Словакию» под руководством В. Мечиара. Последний на протяжении своего нахождения в должности премьер-министра (1993–1998 гг., с небольшим перерывом в 1994 г.) говорил о неоднозначности ориентации на «возвращение в Европу» и заявлял, что «если нас не хотят видеть на Западе, то мы можем повернуться на Восток» (Марушьяк 2010: 143).

¹² Zákon č. 402/2000 Z. z. o zásluhách Milana Rastislava Štefánika o Slovensko. Zbierka zákonov SR. URL: https://www.slovlex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2000/402/vyhlasene_znenie.html (accessed 13.02.2021).

¹³ Накануне Первой мировой войны М.Р. Штефаник не связывал своего будущего со Словакией, поскольку на тот момент он стал не только видным французским учёным, но и политическим и дипломатическим работником, отстаивающим интересы Французской Республики. Важно отметить, что и в России уже в ходе войны его воспринимали как француза, о чём свидетельствует данное ему российскими представителями Охранного отделения прозвище – «француз».

В качестве мер, которые были направлены на популяризацию Л. Штура, необходимо назвать принятие закона о внесении объектов наследия, связанных напрямую с жизнедеятельностью этого деятеля в городе Модра, в перечень памятников национального достояния¹⁴. В том же году был учреждён Орден Людовита Штура – третья по значимости награда Словакии, которая предназначена исключительно для граждан страны¹⁵. Топография страны пополнилась новыми улицами, проспектами и площадями, названными в честь этого словака.

В условиях националистического подъёма, который отмечался в Словакии в момент обретения независимости и в последующие годы правления В. Мечиара, политики и общественные деятели «актуализировали» прошлое, прежде всего, для обоснования появления независимого государства. В этой связи они зачастую обращались к спорным страницам словацкой истории, которые, по их мнению, свидетельствовали об оправданности возникновения самостоятельной Словакии. Наиболее неоднозначным явлением, вокруг которого существовали разные оценки, было военное словацкое государство, возникшее в годы Второй мировой войны и выступавшее на стороне нацистской Германии. Опросы общественного мнения, проведённые в 1993 г., показывали, что словаки среди исторических персоналий, которые вызывали у них гордость, практически в равном соотношении называли как М.Р. Штефаника, так и Й. Тисо, главу данного марионеточного государства (Blašcák, Gyárfášová, Hlavinka, Vrzgulová 2013: 28). Существование такого восприятия истории свидетельствовало о противопоставлении двух политических тенденций, которые на тот момент царили в обществе, – либерально-демократической и национал-авторитарной.

Неудивительно, что в 1990-е гг. активно о себе заявили сторонники Й. Тисо, объединившиеся в обществе «Друзей президента Тисо в Словакии и за рубежом». Они вели активную просветительскую деятельность, с помощью которой стремились опровергнуть, по их мнению, устоявшиеся к тому времени ложные теории и наветы, касающиеся первой словацкой республики. Они требовали признать её «историческое значение», снять обвинения с её президента, реабилитировав его. Они делали акцент на том, что ему удалось спасти тысячи человек от опасности попадания в немецкие концентрационные лагеря и газовые камеры. В этой связи они считали должным увековечить его память на официальном уровне, поставив его в один ряд с героями Второй мировой войны, СНВ и жертвами Холокоста. Таким образом, они подчёркивали: «Первая словацкая республика не была фашистским государством, Й. Тисо не является ни военным преступником, ни фашистом, ни нацистом, ни союзником Гитлера и не несёт ответственность за депортацию евреев в Третий рейх» (Zamlčaná pravda o

¹⁴ Nariadenia vlády Z.z. č 288/1994. *Zbierka zákonov SR*. URL: <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1994/288/19941027.html> (accessed 13.02.2021).

¹⁵ Nariadenia vlády Z.z. č. 37/1994. *Zbierka zákonov SR*. URL: <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1994/37/> (accessed 13.02.2021).

Slovensku 1996: 4–5). Однако такие настроения не получили повсеместного распространения. Можно говорить об их опосредованном значении, что, впрочем, не мешало им оказывать влияние на формирование национальной идентичности словаков. М. Кшинян отмечает, что соцопросы, проведённые с 1989 по 2008 гг., свидетельствовали о том, что зачастую сторонники Словацкого национального восстания поддерживали также и режим Тисо (Michela, Kšinan 2012: 38).

Как показывают последующие исследования, в ходе внутренних политических трансформаций и процесса принятия страны в ЕС отношение к военному словацкому государству сместилось к его негативному восприятию (Gyúrfašová 2015: 26). Впрочем, в стране до сих пор активно присутствуют политические силы, которые восхваляют достижения тисовского режима и, что немаловажно, получают поддержку со стороны населения, которая оценивается в 8-12% во время национальных выборов (Выборы в Европарламент... 2019). В этой связи неудивительно, что словацкие власти делают акцент на изучении вопросов, касающихся военного словацкого государства, прежде всего темы Холокоста, при преподавании истории в учебных заведениях. Министерство образования Словакии в своих методологических рекомендациях подчёркивает важность усиленного внимания к теме преступлений, совершённых в годы Второй мировой войны против беззащитных людей. Так, например, дополнительный третий час истории в средней школе, введённый в 2019 г., должен был быть посвящён преследованию евреев в Словакии и в глобальном историческом контексте. Учителям надлежит организовывать экскурсии в музеи на территории концлагерей, демонстрировать документальные фильмы, рассказывать о повседневной истории людей, оказавшихся жертвами геноцида. Словацкий историк Л. Гоптова отмечает, что усилия властей направлены на предупреждение распространения «ложной информации из СМИ, пропагандирующих экстремистские взгляды» (Hoptová 2020: 436).

Относительно компромиссной политической фигурой межвоенного времени, которая выступала с призывами к обретению Словакией автономии в рамках Чехословакии и не была при этом скомпрометирована сотрудничеством с нацистской Германией, стал Андрей Глинка¹⁶. Его образ активно использовался словацкими властями, поскольку он был главой политической партии, которая в межвоенное время оперировала националистической риторикой (Нечаева 2016: 157) и при этом обладала широкой поддержкой среди населения, что подтверждалось итогами демократических выборов (Чехия и Словакия 2010: 119, 145, 162). Среди важных коммеморативных мер, связанных с его персоной, необходимо назвать следующие: его профиль был помещён на вторую по номи-

¹⁶ Умер в 1938 г. за год до раздела Чехословакии нацистской Германией и начала сотрудничества словацких властей с Берлином.

налу банкноту национальной валюты (1 тыс. крон)¹⁷; в его честь был учреждён Орден Андрея Глинки (второй по значимости в стране)¹⁸. Кульминацией процесса признания заслуг А. Глинки стало принятие в 2007 г. специального закона, согласно которому он получил почётный титул «Отец народа». В данном документе подчёркивалось, что «его фигура, труды и наследие привели к возникновению независимой Словакии в 1993 г.». Более того, мавзолеем А. Глинки в г. Ружомберок признавался памятным местом: «Каждый посетитель мавзолея обязан выражать почтение к личности А. Глинки и сдерживаться от всего, что могло бы нарушить спокойствие в данном месте»¹⁹. Впрочем, меры правительства по увековечиванию памяти А. Глинки раздели профессиональное историческое сообщество Словакии на два лагеря. Представители первого говорили о том, что *lex Hlinka* ведёт к повторному установлению государственной пропаганды, как в тоталитарных государствах, не способствует укреплению исторической памяти и разделяет учёных на покорных и непослушных. Во втором – отмечали, что подобный закон демонстрирует признание заслуг А. Глинки перед словацким народом (Kšifan 2014: 93).

Воскрешение образов М.Р. Штефаника, Л. Штура и А. Глинки проходило одновременно с популяризацией и других исторических периодов и личностей, которые могли подтвердить укоренённость словацкой истории в общеевропейской летописи, обозначить наличие «золотого века» словацкой государственности. Так, в преамбуле Основного закона страны, принятом 1 сентября 1992 г., прослежена связь новообразованного государства с духовным наследием славянских миссионеров Кирилла и Мефодия и подчёркивается историческая преемственность с Великой Моравией²⁰, средневековым государством, расцвет которого пришёлся на IX–X вв. Тот факт, что два государства разделял тысячелетний промежуток, в который вместились почти 800-летнее пребывание словацких территорий в составе Венгрии, не учитывался. Обращение именно к этому историческому периоду было обосновано желанием указать, с одной стороны, на древность словацкого государства как самого первого славянского государства в Европе. С другой – этот факт давал возможность для заявлений о словаках как более древнем и развитом народе, нежели венгры, с которыми у словаков на протяжении долгих периодов времени были острые конфликтные отношения²¹. На официальном уровне процесс активизировался в январе 2008 г.

¹⁷ Vyhláška Národnej banky Slovenska o vydaní bankoviek po 1 000 Sk do obehu a o stiahnutí okolkovaných bankoviek po 1 000 Kčs z obehu. *Zbierka zákonov*. URL: https://www.slov-lex.sk/static/SK/ZZ/1993/228/vyhlasene_znenie.print.html (accessed 13.02.2021).

¹⁸ Zákon 37/1994 Z. z. o štátnych vyznamenaniach. *Zbierka zákonov*. URL: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1994/37/vyhlasene_znenie.html (accessed 13.02.2021).

¹⁹ Zákon o zásluhách Andreja Hlinku o štátotvorný slovenský národ a o Slovenskú republiku. *Národná rada Slovenskej republiky*. URL: <https://www.nrsr.sk/web/Dynamic/DocumentPreview.aspx?DocID=266658> (accessed 13.02.2021).

²⁰ Ústava Slovenskej republiky. – Úrad vlády SR. URL: <https://archiv.vlada.gov.sk/old.uv/8576/ustava-slovenskej-republiky8786.html?menu=1280> (accessed 13.02.2021).

²¹ Венгры перекочевали на территорию современной Венгрии только в 896 г., когда Великая Моравия уже была в зените своего могущества и влияния.

после выступления премьер-министра Роберта Фицо во время празднования 15-летия независимости Словакии, в котором он использовал термин «древние словаки» в отношении жителей государства Великая Моравия²².

Для закрепления образа этого государства, который для обывателя не был хорошо знаком, в её истории был выбран полумифический князь Святополк, который активно стал «ословачиваться». Итогом популяризации этого исторического деятеля стала установка в 2010 г. в центре Братиславы, на Граде, восьмиметровой статуи. Тот факт, что на церемонии открытия присутствовали президент Иван Гашпарович, премьер Р. Фицо и ряд других видных чиновников, говорит о значении Святополка для власти, который, по словам премьера, являлся «патроном словацких земель как св. Штефан у венгров и св. Вацлав у чехов»²³. Впрочем, пришедшее через несколько недель после открытия памятника, правительство Иветы Радичевой постановило собрать экспертную группу для принятия решения о целесообразности размещения этого монумента в центре столицы. Несмотря на то, что комиссия заявила о необходимости его демонтажа (Святополк никогда не был «королём словаков», многие государственные знаки на статуе не соответствовали времени их появления, да и он сам не был никогда на территории нынешней Братиславы)²⁴, монумент после некоторых внесённых в него изменений был возвращён на своё первоначальное место. Во многом это было связано с непродолжительным пребыванием у власти нового правительства, которое было вынуждено уйти в отставку. На его смену вновь пришёл кабинет во главе с предыдущим премьером Р. Фицо, который не отказался от своей ранее реализованной инициативы. Тот факт, что подобная дискуссия по поводу исторического деятеля стала возможна, служит доказательством демократичности словацкого общества. В этой связи стоит согласиться с Ю.А. Сафроновой, которая говорит, что «историческая политика может существовать только в демократических режимах, так как она предполагает конкуренцию интерпретаций и возможность общественных дебатов, которые обеспечиваются свободой слова» (Сафронова 2020: 203).

На фоне борьбы за памятник шли дискуссии историков, которые разделились на два лагеря – тех, кто соглашался с существованием «древних словаков» и «словака Сватополка» и тех, кто стоял в жёсткой оппозиции. Первые, воспринимая понятие «нация» как объективно существующее явление и руководствуясь примордиалистским подходом, неосознанно участвовали в установке идеологических и ценностных рамок, где появлялась плодородная почва для национализма. Их оппоненты, отрицая примордиализм и руководствуясь объ-

²² Hrdý premiér Fico nastolil krále Svatopluka. Český rozhlas. *Radiozurnal*. URL: <https://radiozurnal.rozhlas.cz/hrdy-premier-fico-nastolil-krale-svatopluka-6272157> (accessed 13.02.2021).

²³ Krempaský J. 2010. Svätopluka na Hrade vítalí červené zástavy. *SME*. URL: <https://domov.sme.sk/c/5410141/svatopluka-na-hrade-vitali-cervene-zastavy.html> (accessed 13.02.2021).

²⁴ Саморуков М. 2010. Как маленькая нация поборолa большие комплексы. *Republic*. URL: <https://republic.ru/posts/1458656> (accessed 13.02.2021).

ективными фактами социальных трансформаций, указывали на то, что появление средневекового государства не ведёт к автоматическому преобразованию его жителей в нацию, которая в дальнейшем с ним отождествляется (Kšíňan 2014: 99). Сторонники первого подхода были предпочтительнее для премьера Р. Фицо, умеренно использующего умеренный националистический дискурс. Впрочем, итоги конкурса «Великий словак», который проводился в 2019 г., показали, что князь Святополк не стал национальным героем, заняв 64-е место в рейтинге. Лидерами общественного мнения стали М.Р. Штефаник, Л. Штур и А. Глинка²⁵.

Создание пантеона национальных героев свойственно молодым государствам, которым необходимо обоснование своего права на существование. Набор персоналий, которые формируют этот список выдающихся лиц, во многом зависит от характера политической власти. Для Словакии первых лет её независимости, где к власти приходили силы, использующие националистический дискурс (правление В. Мечиара, отчасти Р. Фицо), была свойственна героизация политиков и общественных деятелей, отстаивавших в прошлом либо уникальность словацкой идентичности, либо её особый статус (автономию), либо независимость.

В то же время действия политиков не были односторонними, поскольку они получали запрос на подобные действия от местного населения. Как отмечает Н.В. Коровицына, «наиболее популярные словацкие партии 1990–2016 гг. имели максимальную поддержку именно в регионах доминирования ... Глинковской словацкой народной партии» (Коровицына 2019: 249). Понимая «тесную» отложенную связь «уровня общественного развития, существовавшего в межвоенный период, с нынешней политической культурой, где господствовал традиционализм» (Коровицына 2019: 248), политики не могли не использовать воскрешение образов прошлого для получения дополнительных политических очков.

Преимственность словацкого государства с Чехословакией

Стоит указать на тот немаловажный факт, что в Конституции Словакии²⁶ не содержится ссылок на её преимственность с предыдущими государственными образованиями, прежде всего с Чехословакией. В основном законе лишь говорится о «политическом и культурном наследии предков» и о «столетнем опыте борьбы за национальное существование и государственность». В то же время указывается на то, что образование Словакии обосновано «естественным правом наций на “самоопределение”», что, по мнению Ю. Марушьяка, являет-

²⁵ Najväčší Slovák. Rozhlas a televízia Slovenska. RTVS. URL: <https://www.rtvsk/najvacsi-slovak/poradie-v-top-100> (accessed 13.02.2021).

²⁶ Ústavný zákon č. 460/1992 Zb. *Zakony pre ľudí*. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/1992-460> (accessed 13.02.2021).

ся краеугольным камнем понимания исторических традиций авторами данного документа (Marušiak 2017: 178)²⁷. Для того чтобы отбросить груз прошлого, который был связан с существованием словаков в едином государстве с чехами, новым властям страны необходимо было обратить внимание на формирование иного восприятия истории у граждан страны, прежде всего у молодого поколения. В условиях всеобщего среднего образования, где курс истории обязателен, этот предмет всегда способствовал социализации человека, который получал ту картину прошлого, которую хотели составить авторы исторических концепций, учебников и курсов (Ачкасов 2013: 113-114). Словацкий социолог С. Отченашева делает акцент на том, что «факты, собранные в учебниках истории, не являются нейтральной информацией о прошлом, а представляют собой выборку фактов, собранных на основании политических и культурных тенденций конкретного общества, и поэтому они являются социальным конструктом» (Otčenašová 2010: 8).

В этой связи стоит обратить внимание на работу исследователя М. Герхартовой (Gerhartova 2013). Она заметила, что после 1993 г. благодаря целенаправленной политике словацких властей в области образования произошла трансформация словацкой идентичности из-за изменения содержания преподаваемых курсов по истории. Отмечая, что идентичность во многом формируется в противопоставлении с другими народами, М. Герхартова указывает, что словаки в качестве таких «других» выбрали помимо венгров и немцев также и чехов. Составители учебных концепций сваливали вину и перекладывали ответственность на указанные народы, усиливая разницу между «ними» и «нами». Обвинения не всегда были направлены на всю нацию, иногда они были персонализированы и обращены к конкретным личностям (например, Э. Бенеш, Э. Гаха). Также она отмечает, что на страницах изученных учебных изданий не хватало баланса в освещении некоторых тем, поскольку авторы учебников акцентировали внимание преимущественно на словацкой истории, оставляя без должного внимания не только чешскую историю, но и мировую. Исследователь выделяет четыре стратегии для трактовки истории Словакии в XX в., свойственные авторам пособий: 1) «стратегия оправдания» направлена на объяснение, например, неизбежности распада Чехословакии в 1993 г. или появления независимого государства в годы Второй мировой войны; 2) «стратегия минимизации» указывает на то, что в принятии решений была задействована небольшая группа людей при исключении большинства из обсуждения; 3) «стратегия избегания» призвана исключить сведения о других народах, их представителях и политических партиях; 4) «стратегия легимитизации» подчёркивает правильность принятых решений.

²⁷ Ústavný zákon č. 460/1992 Zb. *Zakony pre ľudí*. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/1992-460> (accessed 13.02.2021).

«Мемориальный бум»

В 2015 г. в Словакии начался «мемориальный бум», который был вызван значительным количеством круглых дат, связанных с юбилеями исторических деятелей и годовщинами событий. Прежде всего, отметим 150-летие со дня рождения А. Глинки в 2014 г., 200-летие со дня рождения Л. Штура в 2015 г. Пик мемориальных событий пришёлся на 2018 г., когда в стране вспоминали образование Чехословакии (100-летие), Мюнхенское соглашение (80-летие), Пражскую весну (50-летие) и появление независимой Словакии (25-летие). В 2019 г. также было много памятных дат – 30-летие «бархатных революций» в Центральной Европе, 15-летие в ЕС и НАТО и, что важно, 100-летие смерти М.Р. Штефаника. Исследователь О.Ю. Малинова отмечает: «Символизируя дистанцию, отделяющую нас от исторического события, юбилеи “приглашали” к подтверждению его связи с настоящим» (Малинова 2017: 12).

Впрочем, вовлечённость словаков в празднование каждой из дат была разной, поскольку, как отмечают эксперты, «юбилеи порой актуализируют события, которые власти предпочли бы не вспоминать» (Малинова 2017: 12). Наиболее спорные круглые даты пришлось на 2018 г., когда общественному обсуждению подверглись события, прежде всего, касающиеся общего государства чехов и словаков. Важно отметить, что в отличие от Чехии, где 28 октября, день образования Чехословакии, является государственным праздником, в Словакии он к таковым не принадлежит. Несмотря на то что в 2018 г. специальным постановлением парламента этот день стал нерабочим, интересен тот факт, что в обосновании подобного решения указано не образование государства чехов и словаков, а 100-летие подписания 30 октября 1918 г. Декларации словацкого народа в Турчанском Св. Мартине (т.н. Мартинской декларации)²⁸. Таким образом, можно констатировать желание руководства Словакии обозначить своё собственное видение истории, не следовать чешской интерпретации.

В этой связи нужно отметить 100-летний юбилей не рождения, а гибели М.Р. Штефаника, состоявшийся в 2019 г. Эта историческая фигура за последние годы стала безоговорочным лидером различных опросов общественного мнения (Osudové osmičky 2018: 29) и популярных рейтингов²⁹, что, несомненно, послужило поводом для принятия правительством Словакии решения о придании этому году особого статуса – «года М.Р. Штефаника»³⁰. Размах проведённых

²⁸ Stráňavová L. 2018. V parlamente schválili mimoriadny štátny sviatok. *Noviny*. URL: <https://www.noviny.sk/slovensko/344978-v-parlamente-schvalili-mimoriadny-statny-sviatok> (accessed 13.02.2021).

²⁹ Najväčší Slovák. Rozhlas a televízia Slovenska. RTVS. URL: <https://www.rtvs.sk/najvacsi-slovak/poradie-v-top-100> (accessed 13.02.2021).

³⁰ Памятные мероприятия продлились до 21.07.2020. В этот день отмечалось 140 лет со дня рождения М.Р. Штефаника. См.: Rok 2019 vláda vyhlásila za Rok M.R. Štefánika. *Teraz*. URL: <https://www.teraz.sk/mrstefanik/rok-2019-vyhlasila-za-rok-m-r-stefa/376847-clanok.html> (accessed 13.02.2021).

мероприятий, которые прошли не только в самой стране, но и за её пределами, свидетельствовал о чётком демократическом курсе, взятом на вооружение последними правительствами страны, об отказе от националистического дискурса и о международном признании словаков как суверенного народа.

Активная инструментализация истории в период с 2015 по 2019 гг. совпала с миграционным кризисом, который обрушился на Европу в 2015 г. Наложение этих событий друг на друга придало новый смысл наследию предков, которые в первую очередь выступали с позиций защиты национальной самобытности. В обстановке, когда руководство Европейского союза начало, по мнению словацких властей, посягать на словацкий суверенитет³¹, предлагая принимать обязательные квоты по распределению беженцев, нарративы словацких исторических деятелей наполнились новым смыслом. Можно говорить, что вновь появлялся образ «другого», против которого можно было направить идеи, возвращаемые конструкторами национальной идеологии после 1989 г. В обстановке, когда противопоставление венграм, немцам и чехам противоречило интересам государства, которое входило с указанными народами в одно наднациональное объединение (ЕС), обращение к «третьим» народам было выгодно, прежде всего, политикам, которые активно использовали эту риторику для получения одобрения со стороны населения. В ходе выборов 2016 г. активную поддержку получили крайне правые националистические партии («Народная партия – наша Словакия» (8,04%)³², Словацкая национальная партия (8,64%)³³; помимо этого население голосовало и за другие политические силы (прежде всего, победивший «Смер – СД» – 28,28%), которые высказывались за необходимость сохранения национального суверенитета, который, по их мнению, мог быть нарушен со стороны беженцев, ищущих в Европе убежище³⁴. Впрочем, показательно, что спустя четыре года на следующих выборах, когда пик миграционного кризиса прошёл, партии, широко использовавшие ранее эти темы в своих предвыборных программах, не смогли получить схожие результаты и были вынуждены довольствоваться меньшими показателями одобрения деятельности со стороны избирателей (некоторые из них вообще остались за бортом национального парламента) (Ведерников 2020).

В этой связи можно заметить, что населению свойственно обращаться к спорным страницам своей истории в основном в сложные и переходные периоды своего развития, когда граждане дезориентированы и подвержены влиянию со стороны заинтересованных сил – прежде всего политиков, стремящихся через формирование определённой картины прошлого оказать воздействие на

³¹ Robert Fico: Najskôr bezpečnosť, potom ostatné. *Vlada*. URL: <https://www.vlada.gov.sk//robert-fico-najskor-bezpecnost-potom-ostatne/> (accessed 13.02.2021); СМИ: премьер Словакии заявил, что ЕС совершает «ритуальный суицид». РИА. URL: <https://ria.ru/20160126/1365538877.html> (accessed 13.02.2021).

³² Programové ciele našej strany Kotlebovci. *Ludová strana Naše Slovensko*. URL: <http://www.lsnaseslovensko.sk/> (accessed 13.02.2021).

³³ Volby do NR SR 2016. *Sns*. URL: <https://www.sns.sk/dokumenty/volby-2016/> (accessed 13.02.2021).

³⁴ *Volby do Národnej Rady SR 2016*. URL: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2016/sk/data02.html> (accessed 13.02.2021).

мировоззрение человека. Имеющиеся в их арсенале СМИ, система государственного образования и тенденциозные общественные деятели способствуют созданию заданной картины мира, где выдаваемое изображение не всегда соответствует реальной исторической действительности. Необходимо отметить отличие начавшегося в 2015 г. в Словакии «мемориального бума» от прежних периодов активного использования «исторической политики». Прежде всего, важно подчеркнуть, что страна вышла на тот уровень развития, когда историческая политика использовалась не для «удлинения» истории, беспочвенной героизации полумифических персоналий и поиска собственного «золотого века», а для увековечивания памяти исторических героев, оказавших существенное влияние на становление словацкой государственности, а также для закрепления в памяти населения памятных дат, символизирующих борьбу за независимость страны, когда она была под угрозой ликвидации.

Случай Чехии

Рассматривая историческую политику Словакии, необходимо обязательно обратить внимание на особенности её проведения в Чехии. Хотя оба государства начали самостоятельное развитие одновременно, они имели сильные различия в характере и содержании этой политики. Прежде всего, это было вызвано тем, что Чехия, обладавшая полноценной государственностью с X в., не испытывала необходимости искать обоснования своего возникновения после «бархатного развода» в 1993 г. В отличие от властей Словакии, которые после разделения Чехословакии, старались отстраниться от её наследия и не воспринимали опыт проживания с чехами как время независимого существования, их чешские коллеги уверенно говорили об этом государстве как об особом этапе развития чешской государственности. В первую очередь речь шла о межвоенной Чехословакии, которая была в момент своего существования одним из самых экономически и политически развитых государств мира и возникла на карте мира в 1918 г. как продолжение независимого государства, существовавшего в Европе до 1620 г. и затем вошедшего в состав Австрийской империи. Преемственность исторического развития Чехии отображена в её Конституции, где указаны добрые традиции исторической государственности земель Короны Чешской и Чехословакии. Она также прослеживается в территориальной идентификации граждан Республики как «граждан Богемии, Моравии и Силезии» – исторических регионов, составлявших основу чешского государства с момента его возникновения в IX в. и правления первых представителей династии Пржемысловичей. Отметим также тот факт, что разделение Чехословакии на два отдельных государства рассматривалось в конституции как «восстановление независимого Чешского государства»³⁵.

³⁵ Ústava České republiky. Psp. URL: <https://www.psp.cz/docs/laws/constitution.html> (accessed 13.02.2021).

Впрочем, позитивное восприятие новыми элитами Чехословакии не распространялось на весь период её существования и ограничивалось временем до начала Второй мировой войны. Последовавшие события, связанные с возникновением Протектората Богемии и Моравии, фашистского марионеточного государства, с установлением коммунистического правления в 1948 г. и с Пражской весной 1968 г., порывали связь с демократическим характером чехословацкого государства. В этой связи многие общественные деятели «бархатной революции» воспринимали свою деятельность как работу по восстановлению того «идеального» государства, которое было ликвидировано немцами, а затем принудительно интегрировано в Восточный блок (Marková 2016: 208). После «бархатной революции» произошёл отказ от критического восприятия межвоенного государства, повлёкший его идеализацию и рост ностальгических чувств по отношению к нему. В первую очередь, превозносилась установившаяся в Чехословакии политическая система. В то же время политики забывали указывать на то, что она «представляла палку о двух концах: на одном были преимущества демократических свобод, а на другом наличие постоянных политических кризисов и смен правительств, не способных проводить единый политический курс» (Ведерников 2019: 156). Но важнее то, что диссиденты, вставшие во главе государства, заявляли о необходимости возвращения к внешнеполитическому курсу, ориентированному на западные страны³⁶. Это вело к очернению образа СССР, который обвинялся в различных спорных сюжетах, имевших место в истории Чехословакии в XX в. Таким образом, антикоммунизм и полное отрицание советского прошлого становилось главной идеологической компонентой возникавшей в начале 1990-х гг. чешской политической культуры. Коммунизм рассматривался как продукт советского импорта, и поэтому все стороны общественной жизни, которые каким-либо образом сохраняли связь с прошлым, подвергались проверке и избавлению от этих «наслоений». Подобный курс государства был официально закреплён принятием в 1993 г. закона «О противозаконности коммунистического режима и о сопротивлении ему»³⁷ и осуществлён на практике в виде комплекса мер. Прежде всего, речь идёт о реституции национализированной недвижимости, приватизации предприятий, сооружённых в годы коммунистического правления, и люстрации коммунистических чиновников.

Чешский подход к коммунистическому прошлому сильно контрастирует с подходом, реализованным в Словакии. Так, исследователь В. Пехе отмечает, что «в то время, когда в Чехии самые большие политические достижения были осуществлены через политику радикального разрыва с коммунистическим прошлым, то в Словакии победы на политическом поприще были совер-

³⁶ *Programové prohlášení Občanského fóra Co chceme*. 1989, 26. listopad, 18.00 hod., Praha. (Suk 1998: 29).

³⁷ *Zákon č. 198/1993 Sb. ze dne 9. července 1993 o protiprávnosti komunistického režimu a o odporu proti němu*. URL: <https://web.archive.org/web/20100724020022/http://www.kpv.kozakov.cz/normy/zakon.htm> (accessed 13.02.2021).

шены при использовании противоположной стратегии, которая подчёркивала преемственность с коммунистическим прошлым, особенно 1968 г.» (Pehe 2020: 29). Она видит объяснение в том, что Словакия не была так сильно затронута мерами, к которым прибегала центральная власть в годы т.н. нормализации³⁸, последовавшей после неудачи Пражской весны, и которые коснулись в первую очередь чешской части единого государства. Стоит добавить, что согласно исследованиям, проведённым в начале XXI в., словацкие граждане, оценивая исторические периоды современной истории страны, отдавали предпочтение как раз 1970-1980 гг., т.е. времени «нормализации» (Коровицына 2019: 236). В. Пехе также отмечает, что в отличие от соседних не только Словакии, но даже Польши, местные коммунисты не смогли интегрироваться в политическую среду и стать полноценными участниками политического процесса. Факт многолетнего присутствия коммунистической партии в чешском парламенте, которая до недавнего времени оставались «нерукопожатной»³⁹, можно объяснить как раз демонстрацией механизма морального превосходства новой власти, которая тем самым реализовывала принцип «мы – не они». Стоит также привести мнение Й. Коубека и М. Полашека, которые считают, что «чешский антикоммунизм стал идеологией национальной элиты, которая утвердила свою культурную гегемонию после 1989 г.» (Koubek, Polášek 2013: 10).

Как и Словакии, Чехии после свержения коммунистической партии необходимо было заняться формированием своего собственного национального пантеона героев. Отчасти он пересекался со словацким, но это была скорее дань памяти проживанию в общем государстве. Так, помимо набора исторических персоналий, которые подтверждали укоренённость чешской истории в веках (например, Вацлав I, Карл IV) и которые не подвергались сомнению в годы коммунистического правления (например, Ян Оплетал), популяризировались новые деятели. Одновременно с этим некоторые исторические личности получали отличное от предыдущего толкование своих поступков. Кроме того, восстанавливалась память об исторических деятелях, которые в предшествующее время были преданы забвению или редко вспоминались.

В отличие от Словакии, где на передний план попадали исторические персоны, которые активно боролись за признание словацкого государства и словацкой идентичности, в Чехии по традиции популярен был иной тип героя. В этой связи вполне можно согласиться с английским антропологом чешского происхождения Л. Голым, который утверждал, что для чехов вне зависимости

³⁸ Нормализация в Чехословакии – комплекс мер коммунистического правительства после Пражской весны 1968 г., который был направлен на нейтрализацию последствий данного события. Прежде всего, речь идёт об отказе от демократических нововведений, усилении партийного контроля, ограничении гражданских свобод и подчинении внешней политики страны курсу СССР.

³⁹ В 2018 г. премьер-министру Чехии Андрею Бабишу для одобрения состава правительства в национальном парламенте пришлось заручиться поддержкой коммунистической партии. За 30-летний срок существования постсоциалистической Чехии это первый подобный прецедент.

от исторического периода было свойственно увековечивание мучеников (например, Я. Гус, Ю. Фучик, Я. Палах) (Holy 1996: 40). В этом ряду особое место занимал Я. Гус, который, несмотря на удаленность своего проживания во времени, оказал значимое влияние на формирование чешского менталитета. Его пример, который демонстрировал историю человека, борющегося с превосходящей несправедливой силой и готового пожертвовать жизнью ради правды, превзошёл его историческую роль как средневекового церковного деятеля, сделав его актуальным спустя столетия (Svoboda, Lašek, Hanuš 2015). Тема борьбы за правду прошла сквозь национальную идеологию чешского государства и утвердилась под воздействием президента-философа Т.Г. Масарика в 1920 г. посредством официального девиза Чехословакии, помещённого на президентский штандарт в виде лозунга – «Правда побеждает». Многие чешские герои – это люди, которые борются за свои убеждения, несмотря на давление сверху, и которые готовы пожертвовать собой для реализации гуманистических идей. В зависимости от времени – это или коммунист Ю. Фучик, расстрелянный немецкими нацистами, или студент-антикоммунист Я. Палах, совершивший самоожжение на центральной площади Праги в знак несогласия с вводом войск Варшавского договора в 1968 г.

Тема правды отчётливо прослеживалась в ходе «бархатной революции» и стала лейтмотивом выступлений В. Гавела, писателя-диссидента, который провёл пять лет в заключении, получив наказание за свои антикоммунистические взгляды. Слова, прошедшие красной линией через его творчество, о необходимости «жить по правде» и «победе любви и правды над ложью и ненавистью», во многом перекликались с взглядами его именитых соотечественников⁴⁰. Получив почву для развития, эти идеи стали ключевыми в чешской исторической политике, чему способствовало также пребывание В. Гавела на посту президента до 2003 г. Будучи гарантом этих взглядов, он способствовал укреплению Чехии в качестве проводника демократических преобразований в других странах, которые находились на пути преобразования политических систем.

В свою очередь, распространившиеся в Чехии тенденции способствовали ухудшению восприятия Российской Федерации, правопреемницы СССР, ввиду возобладавшего в новых элитах антикоммунизма. П. Кратохвил отмечает, что в это время «чешская идентичность формировалась на противопоставлении коммунистическому “тоталитарному прошлому”, что представлялось как нечто неестественное и несовместимое с демократичной Европой» (Kratochvíl, Cibulková, Beneš 2006: 501). Если для начального периода существования независимого чешского государства было свойственно игнорирование российской тематики для переориентации в западном направлении, то по мере усиления международных позиций РФ, что приходится на период после 2007 г., и закрепления Чехии

⁴⁰ Гавел В. *Сила бессильных*. URL: <https://old.inliberty.ru/library/181-sila-bessilnyh> (accessed 13.02.2021).

в западном сообществе, его представители стали более критично воспринимать действия восточного партнёра. Например, это выразилось в открытии в 2008 г. Института по исследованию тоталитарных режимов, который стал заниматься изучением двух периодов чехословацкой истории – нацистской оккупации (1939-1945 гг.) и коммунистического правления (1948-1989 гг.) Таким образом, в исследовательской среде получил распространение подход в восприятии двух политических режимов как равнозначных и нанёсших одинаковый вред (Plasák 2015; Geyer, Fitzpatrick 2012). В то же время стоит отметить, что для словацкого исторического мейнстрима, несмотря на существование схожего по идеологии Института памяти нации, подобный подход не являлся широко популярным. Более того, всегда подчёркивалась особая роль советского государства в освобождении Словакии от фашистских захватчиков, на официальном уровне указывался вклад СССР в борьбу с немецким национал-социализмом (Maniak 2020)⁴¹.

Наиболее спорным историческим сюжетом чешско-российских отношений являются события Пражской весны 1968 г. Если до 2014 г. это историческое событие постепенно уходило от внимания широкой публики в сторону исследования историков, то после вхождения Республики Крым и г. Севастополь в состав России, чешские политики и историки начали активно эксплуатировать данную тему в своей публичной риторике, что, несомненно, повлияло на содержание «политики памяти». «Реанимация» данного исторического сюжета связана во многом со схожим характером произошедших событий. Вновь тема поиска правды стала преобладающей, и Россия оказалась тем формирующим центром, вокруг которого происходила борьба за историческое прошлое. Особенно сильно она развернулась в 2018 г., который, как и в Словакии, был связан с «судьбоносными восьмеричными юбилеями». Наравне со 100-летием образования Чехословакии широко отмечалось 50-летие неудачной попытки придания социализму «человеческого лица». В этой связи 22 августа чешский парламент принял политическое заявление, в котором говорилось, что «вторжение войск пяти государств Варшавского договора в Чехословакию привело к оккупации страны». В качестве причин подобного политического жеста парламентарии называли «действия России, направленные на искажение фактов, касающихся событий 1968 г.»⁴². Спустя год чешский парламент одобрил закон об объявлении 21 августа Днём памяти жертв вторжения и последующей оккупации Чехословакии войсками государств Варшавского договора⁴³. Как отмечает российский

⁴¹ Премьер Словакии напомнил о роли Красной армии в освобождении страны. *PIA*. URL: <https://ria.ru/20190922/1558969475.html> (accessed 13.02.2021).

⁴² Invaze v roce 1968 byla v rozporu s právem, řekli poslanci. 11 se zdrželo. *iDNES.cz*. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/poslanci-prohlasi-okupace-1968.A180822_155835_domaci_kop (accessed 13.02.2021).

⁴³ Zákon č. 356/2019 Sb. Zákon, kterým se mění zákon č. 245/2000 Sb., o státních svátcích, o ostatních svátcích, o významných dnech a o dnech pracovního klidu, ve znění pozdějších předpisů. *Zakony pro lidi*. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2019-356> (accessed 13.02.2021). Данный законопроект был реакцией на инициативу представителей фракции КПРФ в Государственной думе ФС РФ приравнять бывших советских военнослужащих – участников операции августа 1968 г. к ветеранам войны.

богемист В.В. Трухачёв, «в чешском обществе существует почти полный консенсус относительно видения событий 1968 г. Они до сих пор занимают важное место в чешском национальном самосознании и остаются для него сильной травмой»⁴⁴. В дальнейшем борьба с Россией посредством политизации истории продолжилась в виде решения городских властей Праги о демонтаже памятника И.С. Коневу, руководившему войсками по освобождению столицы Чехии в годы Великой отечественной войны, и установке монумента власовцам, солдатам-коллаборационистам, перешедшим на сторону войск противника.

В Чехии, в отличие от Словакии, не было роста националистических настроений внутри общества и местных элит. Что, впрочем, не сказалось на неизбежном поиске новых форм идеологий и нового места в европейской семье народов. Как отмечает Н.В. Коровицына, на момент «бархатного развода» в самой Чехии отсутствовала как таковая национальная элита, поскольку в предшествующее время она формировалась в рамках иных государственно-территориальных образований (Австрийской и Австро-Венгерской империй, Чехословакии) (Коровицына 2018: 184). Таким образом, лица, пришедшие к власти после 1993 г., взяли за основу своего идеологического курса антикоммунизм в виде полного неприятия 40-летнего опыта пребывания в рамках социалистической Чехословакии. Это сказалось на расхождении путей национального определения словаков и чехов, что во многом прослеживается в характере их отношения не только к локальным историческим персоналиям, но и в восприятии России, которая на протяжении всего XX в. была ключевым актором чешско-словацкой политики.

Словакия – одно из самых молодых государств мира и самое молодое в Европейском союзе. Возникнув в 1993 г. в результате мирной договорённости с представителями Чехии, страна встала перед необходимостью самостоятельного политического развития. В обстановке демократических преобразований ей был нужен особый идеологический курс. Он предполагал целенаправленное использование «политики памяти» для обоснования разделения Чехословакии и исторической обусловленности возникновения независимой Словакии. Посредством «воскрешения» отдельных исторических персоналий и памятных событий происходило формирование ценностного ряда и отказ от преемственности с чехословацким государством. Впрочем, важно подчеркнуть неизбежность возникновения националистического дискурса, интенсивность которого зависела от характера стоящей во главе государства партии и наличия консенсуса внутри общества относительно вектора политического развития. Необходимо отметить, что, несмотря на выбор Словакии в пользу интеграции в западноев-

⁴⁴ Трухачёв В.В. Чехия: неоднозначное прошлое как часть текущей политики. *Перспективы*. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/chehija_neodnoznachnoje_proshloje_kak_chast_tekushhej_politiki_2020-02-04.htm (accessed 13.02.2021).

ропейское пространство, в стране сформировался особый тип идентичности, заметно отличающийся от наиболее близкой к ней идентичности – чешской. Для неё свойственны следующие черты: традиционализм, умеренный национализм, религиозный консерватизм, стремление позитивно осмыслить социалистическое прошлое государства. При этом не ставится под сомнение важность поддержания завоеваний «бархатной революции» 1989 г., а именно либерально-демократических ценностей.

Случай Словакии в вопросе нациестроительства является уникальным и малоизученным в отечественной историографии. Для неё свойственна тенденция накладывать шаблоны, существующие в отношении Чехии, на её словацкого соседа, с которым они развивались на протяжении 75 лет. Впрочем, как показано в исследовании, обе страны в начале самостоятельного пути в 1990-е гг. находились на разных исходных позициях, и поэтому их молодые элиты выбрали хотя в общих чертах схожие, но в деталях отличающиеся варианты. Так, например, обращение к исторической памяти для решения политических задач словацкими политиками было более активным при объективном недостатке исторических сюжетов, персоналий и дат. Поэтому неудивительно, что закрепление роли отдельных словацких деятелей и их вклада в развитие государства происходило на государственном уровне через принятие особых мемориальных законов. Современные элиты желали поначалу обосновать существование молодого государства, а затем уже закрепить свои позиции через возникновение определённых ассоциаций. Важно признать, что героизация исторических фигур находила отклик среди населения и не встречала сопротивления с его стороны. Успех исторической политики, выразившийся в формировании словацкой идентичности и в решении всех национальных противоречий, был во многом связан с тем, что власти не старались направить эффект своих действий вовне, концентрируясь только на внутреннем потреблении культивируемой идеологии. Важно заметить, что словаки демонстрируют уникальный пример в европейской, даже мировой практике выстраивания добрососедских отношений со всеми странами, с которыми граничит Словакия и с которыми её связывала долгая история взаимоотношений. В этой связи интересно было бы более предметно изучить причины улучшения отношений с Венгрией (год 100-летия Трианонского договора тому подтверждение), с Чехией и умеренного восприятия России Словакией.

Стоит отметить, что словацкий опыт важен, прежде всего, как демонстрация возможности бесконфликтного выстраивания национальной идентичности при использовании традиционных инструментов исторической политики.

Об авторе:

Михаил Владимирович Ведерников – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН, Москва, Россия. E-mail: vishma@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Автор выражает благодарность Луциане Гоптовой за помощь в подборе литературы в словацких библиотеках в непростое время, обременённое пандемией коронавируса.

Received: September 15, 2020

Accepted: December 24, 2020

Formation of National Identity in Slovakia

M.V. Vedernikov

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-94-125](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-94-125)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Abstract: “Velvet divorce” between the Czech Republic and Slovakia in 1993 led to the establishment of two independent states. Unlike the Czech Republic, which until the formation of Czechoslovakia in 1918 had a history of independence and regarded the state that emerged after the WWI as an extension of its statehood, Slovakia viewed itself differently. It believed that there was no historical continuity between Czechoslovakia and the modern Slovak state, that coexistence of Czechs and Slovaks in a single state was forced and Slovaks’ rights were oppressed for more than 70 years. The politics of memory helped support such ideas in an atmosphere of growing nationalist sentiments. This led to the restoration of memories not only of historical figures who actively fought for the national rights of Slovaks but also of those who collaborated with criminal political regimes and violated basic human rights and freedoms. It was particularly popular in the early period of independence. Along the integration into Western Europe there was a departure from the nationalist discourse in Slovakia, although its rejection was never complete. It resurfaced during the so-called “memorial boom” (2015 – 2020). To understand the specifics of politics of memory in Slovakia it has to be compared with that of Czech. The key differences are in the new ideology chosen by national elites. For the Czech Republic, anti-communism became a basis, while in Slovakia there was no complete denial of the communist past. In many respects, this affected the perception of the USSR and Russia as its successor.

Keywords: Slovakia, Czechoslovakia, politics of history, historical memory, identity, memory politics, M.R. Štefanik

About the author:

Mikhail V. Vedernikov – Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate of Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: vishma@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The author expresses gratitude to Luciana Hoptová for help in the selection of the literature in Slovak libraries in a difficult time burdened by the Coronavirus pandemic.

References:

- Gerhartova M. 2013. *The Transformation of Czech and Slovak National Identity and Creation of the New Other*. Budapest. 59 p.
- Holy L. 1996. *The Little Czech and the Great Czech Nation: National Identity and the Post-Communist Social Transformation*. Cambridge University Press. 240 p.
- Hoptová L. 2020. The Issue of the Holocaust Teaching at Primary and Secondary Schools in Slovakia. *Journal of Education, Culture and Society*. №2. P. 429–443.
- Kratochvíl P., Cibulková, Beneš V. 2006. Foreign Policy, Rhetorical Action and the Idea of Otherness: The Czech Republic and Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. №39. P. 497–511.
- Krno S., Lysý J., Krno M. 2009. National Council from the dissolution of Czecho-Slovakia and the birth of the Slovak Republic until today. Pekník M. (ed.) *Slovak National Councils and the Road to Parliamentarism*. Bratislava. P. 305–351.
- Lebow R.N., Kansteiner W., Fogu C. 2006. *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Duke University Press. 384 p.
- Marušiak J. 2017. National Identities and Their Expressions in the Political Systems of Slovakia and the Czech Republic since 1993. *Európai Identitás(ok), Identitások Európában. Károlyi József Alapítvány*. P. 170–183.
- Michela M., Kšiňan M. 2012. The Slovak National Uprising. Kšiňan M. (ed.) *Communists and Uprisings. Ritualization and Commemoration of anti-Nazi Uprisings in Central Europe 1945–1960*. Krakow. P. 36–66.
- Miháliková S. 2006. The Making of the Capital of Slovakia. *International Review of Sociology*. №16. P. 309–327. DOI: 10.1080/03906700600708949
- Miháliková S. 2012. Changing Slovak Memory Patterns – Seeking a Useable Past. *Politics in Central Europe*. №3. P. 58–70.
- Pehe V. 2020. *Velvet Retro. Postsocialist Nostalgia and the Politics of Heroism in Czech Popular Culture*. New York: Berghahn. 190 p.
- Pynsent R.B. 1994. *Questions of Identity: Czech and Slovak Ideas of Nationality and Personality*. Budapest: CEU Press. 244 p.
- Verovšek P. 2016. Collective Memory, Politics, and the Influence of the Past: the Politics of Memory as a Research Paradigm. *Politics, Groups, and Identities*. №4. P. 1–15. DOI: 10.1080/21565503.2016.1167094.
- Wicker H.R. 1997. Introduction. Theorizing Ethnicity and Nationalism. Wicker H.R. (ed.) *Rethinking nationalism and Ethnicity. Struggle for Meaning and Order in Europe*. Oxford. P. 26–42.
- Blašcák F., Gyárfášová O., Hlavinka J., Vrzgulová M. 2013. *Slovenský vojnový štát a Holokaust v kolektívnej pamäti slovenskej spoločnosti* [The Slovak War State and the Holocaust in the Collective Memory of Slovak Society]. Bratislava. 42 p. (In Slovak).

Geyer M., Fitzpatrick S. (eds.) 2012. *Za obzor totalitarismu: Srovnání stalinismu a nacismu* [Beyond Totalitarianism: A Comparison of Stalinism and Nazism]. Praha, Academia. (In Czech).

Gyárfašová O. 2015. Sonda do historickej pamäti slovenskej spoločnosti zaostrená na mladých [A Probe into the Historical Memory of Slovak Society Focused on Young People]. *Annales Scientia Politica*. №1. P. 23–33. (In Slovak).

Hlavová V., Žatkuliac J. (eds.) 2002. Novembrová revolúcia a česko-slovenský rozchod [The November Revolution and the Czech-Slovak Dissolution]. *Od česko-slovenskej federácie k samostatnej demokratickej slovenskej štátnosti. Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov*. Vol. XIV. Bratislava : Literárne informačné centrum. (In Slovak).

Koubek J., Polášek M. 2013. *Antikomunismus: nekonečný příběh české politiky?* [Anticommunism: an Endless Story of Czech Politics?]. Praha: Friedrich Ebert-Stiftung e.V. 20 p. (In Czech).

Kováč D. 2009. Identita a národ [Identity and Nation]. Kiliánová G. and Kowalská E. and Krekovičová E. (eds.) *My a tí druhí v modernej spoločnosti*. Bratislava: Veda, Vydavateľstvo SAV. P. 338–342. (In Slovak).

Krekovičová E. 2002. Identity a mýty novej štátnosti na Slovensku po roku 1993 (Načrt slovenskej mytológie na prelome tisícročia) [Identities and Myths of the New Statehood in Slovakia after 1993. Outline of Slovak Mythology at the Turn of the Millennium]. *Slovenský národopis*. 2(50). P. 147–170. (In Slovak).

Kšišňan M. 2014. Politika vs. história? Diskusie v slovenskej historiografii [Politics versus History? Discussions in Slovak Historiography]. *Historický časopis*. 1(62). Bratislava. P. 91–113. (In Slovak).

Macho P., Kodajová D. 2015. *Ludovít Štúr na hranici dvoch vekov* [Ludovít Štúr on the Border of Two Centuries]. Bratislava: Veda. 398 p. (In Slovak).

Maniak M. 2020. *Draho vykúpená sloboda* [Dearly Bought Freedom]. 258 p. (In Slovak).

Marková K. 2016. Obraz první Československé republiky při projednávání Ústavy ČR [Image of the First Czechoslovak Republic in the Debate about the Czech Constitution]. *Středoevropské politické studie*. №2–3. P. 197–222. DOI: 10.5817/CEPSR.2016.23.197 (In Slovak).

Osudové osmičky 2018 a Nežná revolúcia – ponovembrový vývoj 2019. Pramenná publikácia [Destiny's Eights in 2018 and Velvet Revolution – Post-November Development 2019. Source Publication]. *Sociologický ústav Slovenskej akadémie vied v Bratislave*. (In Slovak).

Otčenášová S. 2010. *Schválená minulosť. Kolektívna identita v československých a slovenských učebniciach dejepisu (1918 – 1989)* [Approved Past. Collective Identity in Czechoslovak and Slovak History Textbooks]. Košice. 158 p. (In Slovak).

Placák P. 2015. *Gottwaldovo Československo jako fašistický stát* [Gottwald's Czechoslovakia as a Fascist State]. Praha. (In Czech).

Suk J. 1998. *Občanské forum listopad – prosinec 1989* [Civic Forum November – December 1989]. №2. Brno. (In Czech).

Svoboda J., Lašek J.B., Hanuš J. 2015. *Jan Hus. 600 let od smrti* [Jan Hus. 600 Years since Death]. Praha. 115 p. (In Czech).

Zamĺčaná pravda o Slovensku: prvá Slovenská republika: prvý slovenský prezident Dr. Jozef Tiso: tragédia slovenských židov podľa nových dokumentov [The Hidden Truth about Slovakia: The First Slovak Republic: The First Slovak President Jozef Tiso: the Tragedy of Slovak Jews in the Light of New Documents]. 1996. Partizánske: Garmond. 811 p. (In Slovak).

Achkasov V.A. 2013. «Politika pamyati» kak instrument stroitel'stva postsocialisticheskikh nacij [«Memory Policy» as an Tool for Building Post-Socialist Nations]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. №4. P. 106–123. (In Russian).

Dinuš P. 2019. 100-letie vozniknovenija Chechoslovakii [The 100th Anniversary of Czechoslovakia]. *Vishegradskaja Evropa. Central'noevropejskij zhurnal*. №1–2. P. 122–129. (In Russian).

Chehija i Slovakiya v XX v.: ocherki istorii [Czechia and Slovakia in 20 Century : Essays on the History]. 2005. Moscow. (In Russian).

Korovicyna N.V. 2018. Sovremennaya cheshskaya natsiya: problemy identichnosti [Modern Czech Nation: Problems of Identity]. *Scientific and Analytical Herald of the IE RAS*. №4. P. 184–189. DOI: 10.15211/vestnikieran42018184189 (In Russian).

Korovicyna N.V. 2019. *Kak zhivut central'noevropejcy posle «barhatnykh» revolucij. Poljaki, chehi, slovaki* [How Central Europeans Live after the "Velvet" Revolutions. Poles, Czechs, Slovaks]. Moscow: Institut Evropy RAN. 256 p. DOI: 10.15211/978-5-98163-136-8. (In Russian).

Mahaček L. 2005. Molodye ljudi o «chechoslovakoj», nacional'no-gosudarstvennoj i evropejskoj identichnosti [Young People about „Czechoslovak“, National-State and European Identities]. *Vostochnoevropejskie issledovanija*. №1. P. 134–145. (In Russian).

Majorova A.S. 2010. Pamjat' i zabvenie: izmenenie vosprijatija «Sil'nyh mira sego» v blizhajšem pokolenii [Memory and Oblivion: a Change in the Perception of the "Powerful of this World" in the Next Generation]. *Istorija i istoricheskaja pamjatj*. №2. P. 176–195. (In Russian).

Malinova O. 2017. Kommemoratsiya istoricheskikh sobytii kak instrument simvolicheskoj politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as an Instrument of Symbolic Politics: the Possibilities of Comparative Analysis]. *Politia*. 4(87). P. 6–22. (In Russian).

Malinova O.Ju. 2018. Politika pamjati kak oblast' simvolicheskoj politiki [The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics]. Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.) *Metodologicheskie voprosy izuchenija politiki pamjati*. Moscow, Saint-Petersburg : Nestor Istorija. P. 27–54. (In Russian). DOI: 10.31249/mims/2018.00.00

Marušiak J. 2010. Rossija v slovackoj politike posle 1989 g. [Russia in Slovak Policy after 1989]. *Rossija i Vostochno-Central'naja Evropa: v poiske novej formuly otnoshenij*. Moscow. P. 137–167. (In Russian).

Marušiak J. 2018. Krizis podderzhki partii SMER – social'naja demokratija v 2017–2018 gg [Electoral Crisis of Smer-SD in 2017-2018]. *Sovremennaja Evropa*. №7. P. 73–85. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope720187589

Miller A. 2009. Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: Power and History]. *Pro et Contra*. №3–4. P. 6–23. (In Russian).

Nechaeva N. 2016. Slovackij vopros v mezhoennoj Chechoslovakii [Slovak Issue in Interwar Czechoslovakia]. *Slavjanskij al'manah*. №3–4. P. 152–160. (In Russian).

Poceluev S.P. 1999. Simvolicheskaja politika kak inscenirovanie i jestetizacija [Symbolic Politics as Dramatization and Aestheticization]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. №5. P. 62–76. (In Russian).

Rejh A. 2010. Chechoslovackij patriotizm i cheshsko-slovackij nacionalizm – neudavshajasja popytka posrednichestva mezhdum dvumja jakoby nesovmestimymi jetnonacionalizmami [Czechoslovak Patriotism and Czech-Slovak Nationalism – a Failed Attempt at Mediation between Two Supposedly Incompatible Ethno-Nationalisms]. *Nacionalizm v pozdne-i postkommunisticheskoj Evrope*. Moscow. (In Russian).

Repina L.P. 2016. Istoricheskaja pamjat' i natsional'naya identichnost'. Podkhody i metody issledovanija [Historical Memory and National Identity. Approaches and Research Methods]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. №54. (In Russian).

Safronova Yu.A. 2019. *Istoricheskaya pamyat'* [Historical Memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 220 p. (In Russian).

Shimov J.V. 2015. Prazdnik, kotoryj vseгда. Den' rozhdenija Chechoslovakii i cheshskaja nacional'no-gosudarstvennaja mifologija [A Holiday that is Always. Birthday of Czechoslovakia and Czech National-State Mythology]. *Neprikosnovennyj zapas*. №2. P. 166–180. (In Russian).

Vedernikov M. 2019. [Osobennosti vozniknoveniya pervoj chechoslovatskoj respublikii]. *Visegrad Europe. Central European Journal*. №1–2. P. 148–160. (In Russian).

Vedernikov M.V. 2020. Slovakiya: Dilemma novogo pravitel'stva [Slovakia: the New Government's Dilemma]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. №2. P. 55–62. (In Russian).

Vybory v Evroparlament – 2019: nacional'nye otvety na dilemmy evropejskoj integracii. Pod red. Ju.D. Kvashnina, A.K. Kudrjavceva, N.S. Plevako, V.Ja. Shvejcera (European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration. Ed. by Ju.D. Kvashnin, A.K. Kudrjavcev, N.S. Plevako, V.Ja. Shvejcer). 2019. Moscow: IMEMO RAN, IE RAN. 178 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Ачкасов В.А. 2013. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. *Журнал социологии и социальной антропологии*. №4. С. 106–123.

Ведерников М.В. 2019. Особенности возникновения первой Чехословацкой республики. *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*. №1–2. С. 148–160.

Ведерников М.В. 2020. Словакия: дилемма нового правительства. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №2. С. 55–62. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran20205562>.

Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции. Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. 2019. Москва: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. 178 с.

Динуш П. 2019. 100-летие возникновения Чехословакии. *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*. №1–2. С. 122–129.

Коровицына Н.В. 2018. Современная чешская нация: проблемы идентичности. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №4. С. 184–189. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42018184189>

Коровицына Н.В. 2019. *Как живут центральноевропейцы после «бархатных» революций. Поляки, чехи, словаки*. Москва: Институт Европы РАН. 256 с.

Майорова А.С. 2010. Память и забвение: изменение восприятия «Сильных мира сего» в ближайшем поколении. *История и историческая память*. №2. С. 176–195.

Малинова О.Ю. 2017. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития*. 4(87). С. 6–22.

Малинова О.Ю. 2018. Политика памяти как область символической политики. *Методологические вопросы изучения политики памяти*. Под ред. Миллера А.И., Ефременко Д.В. Москва – Санкт-Петербург: Нестор История С. 27–54. DOI: [10.31249/mims/2018.00.00](https://doi.org/10.31249/mims/2018.00.00)

Марушьяк Ю. 2010. Россия в словацкой политике после 1989 г. *Россия и Восточно-Центральная Европа: в поиске новой формулы отношений*. Москва. С. 137–167.

Марушьяк Ю. 2018. Кризис поддержки партии «Смер – социальная демократия» в 2017–2018 гг. *Современная Европа*. №7. С. 73–85. DOI: [10.15211/soveurope720187589](https://doi.org/10.15211/soveurope720187589)

Махачек Л. 2005. Молодые люди о «чехословацкой», национально-государственной и европейской идентичности. *Восточноевропейские исследования*. №1. С. 134–145.

- Миллер А. 2009. Россия: власть и история. *Pro et Contra*. № 3–4. С. 6–23.
- Нечаева Н. 2016. Словацкий вопрос в межвоенной Чехословакии. *Славянский альманах*. №3–4. С. 152–160.
- Поцелуев С.П. 1999. Символическая политика как инсценирование и эстетизация. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 62–76.
- Рейх А. 2010. Чехословацкий патриотизм и чешско-словацкий национализм – неудавшаяся попытка посредничества между двумя якобы несовместимыми этнонационализмами. *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе*. Москва.
- Репина Л.П. 2016. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. №54.
- Сафронова Ю.А. 2019. *Историческая память*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 220 с.
- Чехия и Словакия в XX в.: очерки истории*. 2005. Москва.
- Шимов Я.В. 2015. Праздник, который всегда. День рождения Чехословакии и чешская национально-государственная мифология. *Неприкосновенный запас*. №2. С. 166–180.

Список литературы на чешском и словацком языках

- Blašcák F., Gyárfášová O., Hlavinka J., Vrzgulová M. 2013. *Slovenský vojnový štát a Holokaust v kolektívnej pamäti slovenskej spoločnosti*. Bratislava. 42 p.
- Geyer M., Fitzpatrick S. (eds.) 2012. *Za obzor totalitarismu: Srovnání stalinismu a nacismu*. Praha: Academia.
- Gyárfášová O. 2015. Sonda do historickej pamäti slovenskej spoločnosti zaostrená na mladých. *Annales Scientia Politica*. №1. P. 23–33.
- Hlavová V., Žatkulial J. (eds.) 2002. Novembrová revolúcia a česko-slovenský rozchod. *Od česko-slovenskej federácie k samostatnej demokratickej slovenskej štátnosti. Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov*. Vol. XIV. Bratislava: Literárne informačné centrum.
- Koubek J., Polášek M. 2013. *Antikomunismus: nekonečný příběh české politiky?* Praha: Friedrich Ebert-Stiftung e.V. 20 p.
- Kováč D. 2009. Identita a národ. Kiliánová G. and Kowalská E. and Krekovičová E. (eds.) *My a tí druhí v modernej spoločnosti*. Bratislava: Veda, Vydavateľstvo SAV. P. 338 – 342.
- Krekovičová E. 2002. Identity a mýty novej štátnosti na Slovensku po roku 1993 (Načrt slovenskej mytológie na prelome tisícročia). *Slovenský národopis*. 2(50). P. 147–170.
- Kšiňan M. 2014. Politika vs. história? Diskusia v slovenskej historiografii. *Historický časopis*. 1(62). Bratislava. P. 91–113.
- Macho P., Kodajová D. 2015. *Ludovít Štúr na hranici dvoch vekov*. Bratislava: Veda. 398 p.
- Maniak M. 2020. *Draho vykúpená sloboda*. 258 p.
- Marková K. 2016. Obraz první Československé republiky při projednávání Ústavy ČR. *Středoevropské politické studie*. №2–3. P. 197–222. DOI: 10.5817/CEPSR.2016.23.197
- Osudové osmičky 2018 a Nežná revolúcia – ponovembrový vývoj 2019. *Pramenná publikácia. Sociologický ústav Slovenskej akadémie vied v Bratislave*.
- Otčenášová S. 2010. *Schválená minulosť. Kolektívna identita v československých a slovenských učebniciach dejepisu (1918 – 1989)*. Košice. 158 p.
- Placák P. 2015. *Gottwaldovo Československo jako fašistický stát*. Praha.

- Suk J. 1998. *Občanské forum listopad – prosinec 1989*. №2. Brno.
- Svoboda J., Lašek J.B., Hanuš J. 2015. *Jan Hus. 600 let od smrti*. Praha. 115 p.
- Zamlčaná pravda o Slovensku: prvá Slovenská republika: prvý slovenský prezident Dr. Jozef Tiso: tragédia slovenských židov podľa nových dokumentov*. 1996. Partizánske: Garmond. 811 p.